

ских показаніяхъ (auctores, testes), при чемъ свѣдѣтелями почитаются всѣ, кто повѣствуетъ о данномъ фактѣ, безотносительно, знаютъ ли они о немъ непосредственно, или отъ другихъ. Поэтому за auctores или testes признаются всѣ предшествовавшіе историки. Поскольку они согласны въ передачѣ каго-либо факта, нѣтъ необходимости для пишущаго на основаніи ихъ показаній указывать своего аuctor въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Положеніе мѣняется только тогда, когда между повѣствующими наблюдается либо разногласіе, либо противорѣчіе. Л. отдаетъ предпочтеніе въ такомъ случаѣ тому изъ своихъ предшественниковъ, который, по общему впечатлѣнію, заслуживаетъ больше довѣрія, или версія котораго сама по себѣ ему кажется болѣе правдоподобной. Иногда Л. отдаетъ предпочтеніе мнѣнію большинства, тутъ же приводя и мнѣніе отдѣльнаго историка. Весьма часто онъ чувствуетъ себя не въ силахъ рѣшить контрверсу и представляетъ читателю самому въ ней разобраться. Такимъ образомъ, критическая работа по очисткѣ историческаго преданія у Л. была довольно ограничена. Зато историку предьявлялось другое требованіе — художественность изложенія. Въ предисловіи Л. заявляетъ, что каждый историкъ, приступая къ новой обработкѣ того періода исторіи, который уже описанъ его предшественниками, долженъ дать либо болѣе вѣрное фактическое изложеніе, либо превзойти своихъ предшественниковъ художественностью изложенія (arte scribendi). Въ виду ограниченности первой изъ указанныхъ задачъ, центр тяжести падалъ на вторую. Слава Л., какъ историка, зиждется именно на этой сторонѣ его произведенія. Художественность его исторіи заключается въ стройности и картинности изложенія, въ выпуклыхъ и яркихъ характеристикахъ, въ величавости и благородствѣ стиля. Л. — чрезвычайно умѣлый рассказчикъ. Хотя онъ стѣсненъ необходимостью вести рассказъ наглядно, что заставляло одну общую широкую историческую картину разбить на столько частей, сколько лѣтъ продолжалось самое событіе, но онъ такъ умѣло компонируетъ отдѣльные части, что каждая изъ нихъ является законченнымъ цѣлымъ. Для характеристики дѣйствующихъ лицъ и положеній онъ примѣняетъ обычное средство — рѣчи, за которыя ему такъ достается отъ современныхъ ученыхъ педантовъ. Эти рѣчи написаны Л. мастерски, но обиліе ихъ въ такомъ громадномъ произведеніи и недостаточное знаніе фактовъ должно было бы придать имъ нѣкоторое однообразіе. Поэтому характеристики прошлаго у Л. должны быть поневолѣ не индивидуальными, а типологическими. Впрочемъ, здѣсь нужна оговорка: наше сужденіе о Л. составлено на основаніи знакомства съ небольшою частью его труда. Едва ли справедливо представлять себѣ рѣчи въ пропавшей части его труда, обнимавшей событія, съ которыми Л. былъ основательнѣе знакомъ, такими же, какъ рѣчи сохранившейся части. Стиль Л. создавался постепенно. Въ смыслѣ выбора словъ онъ не отличался строгостью Цицерона и Цезаря. Въ началѣ своего труда онъ охотно смѣшиваетъ словари поэтической и прозаической и вообще обнаруживаетъ больше чертъ, присущихъ азіатскому стилю. Но такъ какъ бьющая на эффектѣ фраза этого стиля — малопрігодное орудіе для историческаго рассказа, то Л. постепенно сталъ возвращаться къ стилистическимъ принципамъ Цицерона. Имѣются, однако, и отличія: фраза Цицерона предназначена для произнесенія, болѣе краткіе періоды Л. предназначены для чтенія. Обиліе матеріала, который требовалось передать въ сжатой формѣ, вело къ развитію сложнаго періода. Несмотря, однако,

на свои выдающіяся качества, исторія Л. не сдѣлалась любимой національной книгой, какъ, напр., Вергилія. Л. не сумѣлъ овладѣть своимъ матеріаломъ и, выбросивъ все второстепенное, дать произведеніе, не подавляющее своей массивностью. Сразу послѣ смерти историка его исторія стала подвергаться сокращеніямъ, постепенно доходя до краткаго конспекта, въ видѣ оглавленій къ отдѣльнымъ книгамъ. Эти извлечения — эпитомы — дошли и до насъ почти полностью. Отъ подлинной исторіи Л. мы имѣемъ только I, III, IV и половину V декады (кн. 1 — 10, 21—45). Литература о Л. громадна. Подробный обзоръ ея у Schanz'a, «Gesch. d. rom. Litt.», II, 1 (3-е изд., Мюнх., 1911). Изъ сочин., появившихся послѣ выхода книги Шанца, болѣе замѣчательны: Н. Peter, «Wahrheit u. Kunst» (Лпц., 1911; 350 сл.); «Einleitung in die Altertumswissenschaft», I (2-е изд., Лпц. и Б., 1912; 337 сл. и 437 сл.); U. Kahrstedt, «Die Annalistik v. Livius», тт. XXXI—XLV (Б., 1913). На рус. яз. перев. «Essai sur Tite-Live» Тена. А. Вольдемаръ.

Ливій Андроникъ (Lucius Livius Andronicus) — основатель эпической и лирической поэзіи римлянъ. Род. около 280 г. до Р. Хр. въ Тарентѣ, гдѣ могъ научиться греческому языку; сталъ рабомъ при взятіи города римлянами и принадлежалъ представителю фамиліи Ливіевъ, отъ котораго получилъ свое имя. За успѣшное воспитаніе порученныхъ ему дѣтей онъ былъ освобожденъ; умеръ въ концѣ III в. Въ 240 г. Л. впервые выступилъ драматургомъ и актеромъ въ первой искусственной пьесѣ на латинскомъ языкѣ. Онъ замѣнилъ грубыя національныя «сатуры» попытками художественной драмы, заимствованной у грековъ и съ вѣншей стороны неотдѣланной. Онъ писалъ и трагедіи (на сюжеты изъ греческой міеологіи, напр., «Ахиллъ», «Эгистъ», «Аяксъ»), и комедіи (напр., «Gladiolus», «Ludius», «Verpus»), но до насъ дошли, по большей части, одни лишь заглавія ихъ. Во времена Л. литература въ Римѣ была въ загонѣ; онъ самъ стоялъ очень низко на общественной лѣстницѣ, и поощренія ему пришлось добиваться лишь за религиозно-политическій гимнъ, сочиненный имъ въ 207 г. для предотвращенія дурного предзнаменованія. Онъ перевелъ (сатурновымъ стихомъ) на латинскій яз. «Одиссею», служившую во время Горація учебной книгой. Скучные отрывки у Риббека, «Scaen. Rom. poes.», frg. I и II³, и («Одиссея») у Bergfeld'a, «De versu Saturnio» (Gota, 1909). — Cp. De la Ville de Mirmont, «Études sur l'ancienne poésie Latine» (П., 1903), и Leo, «Plautin. Forschungen» (Б., 1912).

Ливійская пустыня — вост. часть Сахары (см.).

Ливійцы. — Именемъ лаву, перешедшимъ въ евр. Lehabim, египтяне, со времени Новаго царства, стали называть одно изъ племенъ, жившихъ на западѣ отъ нихъ, впоследствии выступившее мало-по-малу въ первый планъ между родственными колѣнами. Характеристическіе признаки: бѣлый цвѣтъ кожи, татуировка, своеобразные цвѣтные плащи и пояса, страусовое перо на головѣ и спускавшіяся на виски косы. Это были предки туземнаго берберскаго населенія сѣв. Африки, вѣроятно, стоявшие въ родствѣ съ первобытнымъ населеніемъ юго-зап. Европы и о-вовъ Средиземнаго м. Евреи считали ихъ хамитами, родственными египтянамъ. Египетъ велъ съ ними войны еще во времена Древняго и Средняго царствъ; мы ихъ видимъ въ роли солдатъ-наемниковъ, особенно изъ племени Маджаи (впоследствии въ коптскомъ яз. «матой» = «солдаты»). Особенно сдѣлались они

опасны Египту при XIX дин., когда многія изъ ливійскихъ племенъ объединились въ царство, стремившееся перейти къ культурному состоянію и къ распространению на счетъ Египта. При Меренпта, въ 5-й годъ его царствованія, они произвели опустошительное нашествіе на Египетъ, подъ начальствомъ дара Марайиу. Фараону удалось отразить ихъ, равно какъ и Рамсесу III, при которомъ были новыя нашествія, подъ начальствомъ царей Термара и Капура. Длинные надписи храма Мединетъ-Абу прославляютъ побѣды египтянъ похвальными одами и изображеніями триумфовъ, съ массой плѣнныхъ. Во время XX—XXI дин. Л. путемъ мирной колонизаціи наводняютъ дельту, покрывшуюся сѣтью ливійскихъ военныхъ поселеній и княжествъ, изъ которыхъ вышла XXII дин. Бубастидовъ. У классиковъ подъ именемъ *Libyæ* разумѣются туземцы-берберы, въ противоположность финикіянамъ и грекамъ. Къ нимъ причислялись и нумиды, съ маврами, образовавшіе въплоть до вліяніемъ пунической культуры, затѣмъ—эллинизма, царства Сифала, Масиниссы (пріучившаго, по Страбону, Л. къ гражданственности), Микисы, Югурты, Юбы I и II. Сохранились кое-какіе памятники письма и искусства Л.—пунико-ливійскія, затѣмъ ново-пуническо-греко-латинскія надписи, мавзолеевъ Туггѣ, камни съ грубыми изображеніями вооруженныхъ всадниковъ. Религіозныя сооруженія на Мальтѣ и Сардиніи («нураги»), вѣроятно, также восходятъ къ племенамъ ливійской расы.—См. Gsell, «Histoire ancienne de l'Afrique du Nord» (1913); Poinssot, «La restauration du Mausolée de Dougga» («Acad. des Inscr.», 1910). **Б. Т.**

Ливіо-финикіяне—финикійскіе колонисты въ Африкѣ, называвшіеся такъ въ противоположность жителямъ метрополіи. У классиковъ это слово нерѣдко встрѣчается какъ юридическій терминъ, для обозначенія африканскихъ финикійскихъ городовъ, стоявшихъ къ Картегену въ договорныхъ отношеніяхъ. Въплоть до паденія Картегена, этимъ именемъ стали называть вообще носителей семитической культуры въ Африкѣ и, по преимуществу, пунизированныхъ туземцевъ-ливійцевъ.

Ливія (Libya)—древнѣйшее названіе Африки; такъ называлась то сѣверная полоса отъ Атласскихъ горъ до Краснаго м., то вся извѣстная древнимъ Африка, между тѣмъ какъ внутренняя тега *incognita* называлась *Æthiopia*. Л. въ тѣсномъ смыслѣ составлялась изъ двухъ главныхъ частей: Мармарикии и Киренаики. Первая заключала въ себѣ шедшее отъ залива Большого Сырта къ египетской границѣ каменистое, неплодородное, безводное побережье, гдѣ почва удобна лишь для разведенія овецъ, козъ и верблюдовъ. Въ оазисѣ Сивахъ, гдѣ египетская колонія рано ввела культъ египетскаго божества Аммона, былъ оракулъ, много посѣщавшійся греками; они дали оазису названіе Аммоніонъ. Превосходная каменная соль горъ, окружающихъ оазисъ, была единственная, допускавшаяся къ столу царя персидскаго. Сохранились до нашихъ дней развалины храма съ иероглифическими надписями, равно какъ и туземный языкъ, не вытѣсненный арабскимъ. О Киренаикѣ см. XXI, 613—14.

Ливія или Ливилла (Livilla)—дочь Друза и Антоніи, сестра Германика; вышла за сына Тиверія, Друза. Сеянтъ, ея любовникъ, подговорилъ ее отравить мужа, но она не надолго пережила его: при паденіи Сеяна ея уже не было въ живыхъ. Память ея была проклята, ея статуя разрушена.

Ливія Друзилла (Livia Drusilla)—дочь

Л. Друза. Была замужемъ за Тиверіемъ Клавдіемъ Нерономъ. Въ 38 г. до Р. Хр. ея увлекся триумвиръ Октавіанъ и заставилъ мужа уступить ее ему. У нея уже былъ отъ перваго мужа сынъ, позднѣйшій императоръ Тиверій, а другимъ она была беременна, когда вышла за Октавіана; сынъ, рожденный ею, получилъ имя Друза и тотчасъ былъ отосланъ къ отцу. Л. отличалась большимъ умомъ и властью и имѣла большое вліяніе на Августа. Послѣ смерти Августа была нѣкоторое время фактической соправительницей Тиверія, но на дѣлѣ рѣшающаго вліянія не имѣла.—См. Gardthausen, «Augustus und seine Zeit» (I, 1018 сл.); Willrich, «Livia» (1910); Kahrstedt («Klio», 1910, 290 сл.); Heinen («Klio», 1911, 174 сл.).

Ливны—уѣздн. гор. Орловской губ., припадении рч. Ливенки въ р. Быструю Сосну; ст. линіи Верховье—Мармыжи Моск.-Кіев.-Воронеж. ж. д. 23 400 жит.; 11 правосл. церквей, 1 юд. молельня. Реальн. учил., жен. гимназія, город. и духовн. учил., 16 начальныхъ школъ; 2 больницы. Сел.-хоз. общ.; театр. Значительная торговля хлѣбомъ, пенькой и скотомъ; 5 ярмарокъ. 6 фабр. и зав. (крупорушки, пенькотрепалки и 1 товарная мельница), отдѣленія двухъ коммерч. банковъ, городской общ. банкъ. Доходы города (1910)—128 400, расходы—127 300 р. Л. съ XII ст. составляли особый уѣздъ, переставшій существовать по разореніи города и края татарами въ 1286 г. Въ 1586 г. основанъ нынѣшній городъ. Здѣсь строились струги для спуска по Соснѣ на Донъ. Въ Смутное время Л. стали на сторону самозванцевъ и сдѣлались скопищемъ всякаго бродячаго люда; отсюда поговорки: «Л. всѣмъ ворами ливны» и «Л. да Елецъ—всѣмъ ворами отецъ». Уѣздн. гор. съ 1778 г.—Ливенскій уѣздъ—въ вост. части Орловской губ., съ С примыкаетъ къ Тульской, съ Ю—къ Курской и Воронежской. 4996,1 кв. вер. (520 444 дес.). Принадлежитъ къ басс. Быстрой Сосны (прт. Дона). Въ общемъ сѣв. часть у. возвышеннѣе (до 283 м. н. ур. м.) южной. Почва—черноземъ, одна изъ плодороднѣйшихъ въ губерніи. Много годнаго на постройку камня (песчаника и известняка). Лѣсовъ почти нѣтъ (не болѣе 3%); до 83% площади уѣзда распахано. Къ 1913 г. въ Л. у. было 358 700 жит. (73,5 чел. на 1 кв. вер.); это—одна изъ густонаселенныхъ частей губерніи (въ среднемъ—59 жит.); населеніе великорусское, живетъ крупными поселками; всѣхъ населенныхъ мѣстъ 366; въ 3 селахъ свыше 3000 жит. въ каждомъ. Главнымъ образомъ, культивируются рожь и овесъ; излишній хлѣбъ отпускается за предѣлы уѣзда, частью мукою. Табководство. Скотоводство значительно; въ 1906 г. было 67 т. гол. лошадей, 50 т. гол. крупн. рогатаго скота, 197 т. овецъ и 12 т. свиней. Промышленныхъ заведеній свыше 1200, но большая часть ихъ—небольшія мельницы, крупорушки, маслобійни и др., перерабатывающія мѣстные сел.-хоз. продукты; изъ крупныхъ—4 пенькотрепальни и 27 товарныхъ мельницъ, перемалывающихъ въ годъ до 4600 т. ид. зерна. На сторону—на югъ, въ большіе города и на донецкія каменноугольныя шахты—уходятъ до 34 т. чел. Торговля хлѣбомъ, пенькой, скотомъ; много ярмарокъ. Л. у. прорѣзывается жел.-дор. линіями Орель—Грязи, Елецъ—Валуйки (Юго-Вост.) и Верховье—Мармыжи (Моск.-Кіев.-Ворон.), на 185 вер. Начальныхъ школъ 237, въ томъ числѣ 109 земскихъ и 112 прк.-приход. (1911). Расходы уѣздн. земства на 1914 г.—470 600 р., изъ нихъ на школы—172 т., на медиц.—140 т.

Ливонія.—Подъ именемъ Л. въ средніе вѣка

разумѣлись всѣ три области, лежащія по вост. побережью Балтійскаго моря, т.-е. нынѣшнія Эстляндія, Лифляндія и Курляндія. Л. была заселена ливами, эстами (финскаго племени), леттгалой и латышами (литовскаго племени). До XIII стол. она не имѣла общей политической организаціи. Отдѣльныя племена жили въ ней вполне самостоятельно; культурный уровень ихъ былъ низкій. Ихъ религія заключалась въ поклоненіи явленіямъ природы. Главнымъ богомъ у нихъ былъ богъ грома—Перкунъ, которому посвящались старыя, вѣковые дубы. Въ обычаяхъ были жертвоприношенія; лошадь считалась наиболеемъ благородною жертвою. На войнѣ жители обнаруживали большую свирѣпость и безпощадно четверговали своихъ плѣнныхъ. Покойники сжигались; пепелъ отъ ихъ труповъ сохранялся въ урнахъ, какихъ найдено теперь не мало. Вслѣдъ за покойникомъ нерѣдко сжигались и его любимыя домашнія животныя, лошади и собаки; въ могилу клали оружіе, хлѣбъ, медъ, монеты и пр.—Исторія Л. можетъ быть раздѣлена на три періода. Первый—со времени утвержденія здѣсь нѣмцевъ до 1562 г., когда основанная ими орденская организація Л. пала; въ этотъ періодъ всѣ три провинціи составляли одно политическое цѣлое. 2-й періодъ—до 1710 г., когда Лифляндія находилась подъ властью сначала Польши (1562—1625), затѣмъ Швеціи (1625—1710), лишь Эстляндія—подъ властью Швеціи, Курляндія—подъ властью Польши. 3-й періодъ, съ начала XVIII ст. до настоящаго времени—эпоха русскаго владычества, въ Курляндіи юридически установленнаго лишь въ 1795 г. Первое появленіе нѣмцевъ въ Л. относится къ началу второй половины XII в. Это были не бременцы, какъ прежде думали, а вестфальцы и любчане, которые уже раньше имѣли свои торговые склады на Готландѣ, въ Висби. Сношенія нѣмцевъ съ туземцами имѣли сначала характеръ исключительно торговый; пришельцы на-скоро сколачивали свои лавочки и выставляли въ нихъ разную мелочь. Торговля была мѣншею. Тѣ изъ нѣмцевъ, которые оставались въ Л., поддерживали дѣятельныя сношенія съ своими соотечественниками; нѣмецкая колонизація принимала все болѣе и болѣе широкіе размѣры. Съ торговлей соединилась, въ концѣ XII в., миссіонерская дѣятельность Мейнгарда. Онъ былъ первымъ епископомъ Л. (1186—1196); столицей его былъ Искуль (Икескола). Новая епископія находилась въ зависимости отъ бременскаго архіепископа. Распространеніе христіанства встрѣчало въ Л. большія препятствія со стороны язычников-туземцевъ. Мейнгарду оказывалъ покровительство полоцкій князь Владимиръ. Въ 1188 г. Мейнгардъ построилъ первую церковь и укрѣпилъ Искуль. Неоднократно обращался онъ за помощью къ папѣ. Целестинъ III общалъ ему свое покровительство, проповѣдывалъ крестовый походъ противъ ливонскихъ язычниковъ, обѣщая всѣмъ участникамъ въ походѣ полное отпущеніе грѣховъ, но изъ этого ничего не вышло. При второмъ епископѣ Л., Бертольдѣ (1196—1199), въ 1198 г. большое крестовое войско высадилось у устья Двины и успѣшно повело борьбу съ язычниками. Въ слѣдующемъ году нѣмцы были разбиты, епископъ палъ. Нѣмцы жестоко отомстили туземцамъ за его смерть. Водвореніе христіанства выпало на долю третьяго епископа Л., настоящаго основателя ливонскаго государства, Альберта фонъ Буксгевденъ или Аппелдертъ (1199—1229). Вооруженный апостолъ ливовъ, какъ называли Альберта, заручился помощью датскаго короля Канута и вступилъ на ливонскую территорію, имѣя въ одной рукѣ мечъ, въ другой распятіе. Ему безъ особеннаго труда уда-

лось смирить ливовъ. Весною 1201 г. онъ основалъ Ригу; первымъ жителямъ ея онъ даровалъ преимущества и перенесъ туда епископскій столъ. Для утвержденія и распространенія христіанства и нѣмецкой культуры Альбертъ основалъ духовно-рыцарскій орденъ (1202), названный орденомъ меченосцевъ. Рыцари давали клятву безбрачія, послушанія папѣ и епископу и обязывались всѣми силами распространять христіанство. Во главѣ ордена стоялъ магистръ или мейстеръ; слѣдующую іерархическую ступень составляли комтуры или командоры, вѣдавшіе военное дѣло, сборъ десятины, свѣтскій судъ, управленіе орденскими землями и вмѣстѣ съ магистромъ составлявшіе капитулъ. Отношенія магистра и епископа были сначала самыя дружественныя; въ отсутствіи одного другой замѣщалъ его должность. При ближайшихъ преемникахъ Альберта между двумя властями возникла борьба. Первымъ магистромъ ливонскаго ордена былъ Vinold von Rohrbach; сначала онъ жилъ въ Ригѣ, затѣмъ резиденціей его сталъ Венденъ. Въ 1207 г. Альбертъ явился къ германскому императору и отъ него получилъ всю Л. въ ленъ. Ленниками имперіи и имперскими князьями сдѣлались впоследствии и епископы дерптскій, эзельскій и курляндскій. Противъ русскихъ Альбертомъ построена была крѣпость Куkenойскъ (1207), противъ латышей—крѣпость Сельбургъ. Въ 1212 г. состоялся договоръ съ полоцкимъ княземъ, въ силу котораго ливы и летгалы освобождались отъ податей въ пользу князя; между послѣднимъ и епископомъ заключенъ былъ наступательный и оборонительный союзъ противъ эстовъ; установлена была свободная торговля съ русскими. Альбертъ породнился съ псковскимъ княземъ, женивъ своего брата на его дочери. Очень упорна была борьба съ эстами, окончившаяся въ 1211 г. присоединеніемъ части ихъ территоріи къ владѣніямъ ордена. Вальдемаръ II датскій утвердилъ въ Эстляндіи датское вліяніе и построилъ здѣсь сильную крѣпость Ревель, но въ 1223 г. былъ побѣжденъ и взятъ въ плѣнъ. Въ 1220 г. выступилъ новый претендентъ на восточное побережье Балтійскаго моря, Иоаннъ I шведскій; но попытки шведовъ утвердиться здѣсь окончились полною неудачей. Въ 1227 г. покоренъ былъ нѣмцами Эзель, въ 1228 г. — вся Эстляндія, но въ 1237 г. она вновь перешла къ Даніи. Получивъ послѣ долгихъ споровъ съ епископомъ, значительную часть завоеванныхъ земель, орденъ стремился сбросить съ себя всякую зависимость отъ епископа, добившагося, между тѣмъ, титула архіепископа, а еще раньше — самостоятельности отъ Бремена и непосредственнаго подчиненія Риму. Въ дальнѣйшей исторіи ливонскаго ордена огромное значеніе имѣетъ соединеніе его въ 1237 г. съ нѣмецкимъ или прусскимъ орденомъ, въ видахъ распространенія католицизма и нѣмецкой колонизаціи. Магистры ливонскаго ордена стоятъ подъ властью гохмейстера прусскаго, который и утверждаетъ ихъ въ должности. По настоянію папы, нѣмецкій орденъ сталъ въ вассальныя отношенія къ римскому архіепископу: гохмейстеры давали ему присягу чрезъ посредство магистровъ ливонскаго ордена. Независимыми и самостоятельными князьями оставались епископы дерптскій, эзельскій и курляндскій. Внутреннія смуты все усиливались. Орденъ желалъ присвоить себѣ исключительное право назначенія на вакантныя епископскіе столы; епископы призывали на помощь иноземныхъ государей. Съ конца XIII ст. и города, въ особенности Рига, начали стремиться къ самостоятельности; многіе изъ нихъ вошли въ составъ ганзейскаго союза.

Въ 1347 г. Вальдемаръ IV продалъ ордену Эстляндію, что не мѣшало впослѣдствіи Даніи считать себя сохранившею суверенитетъ надъ этою областью. Въ XIV ст. въ Л. возникаетъ четвертый историческій факторъ—дворянство, составившееся изъ вассаловъ ордена и епископства и заботившееся исключительно о сохраненіи и расширеніи своихъ привилегій; общіе интересы ордена были ему чужды. Періодъ времени съ 1347 г. по 1494 г.—эпоха безпрерывныхъ внутреннихъ смутъ. Цѣлости орденской территоріи грозили сильные сосѣди, въ особенности Польша. Борьба скандинавскихъ государей съ ганзейскими городами, къ которымъ принадлежали и ливонскіе, также отражалась неблагоприятно на экономическомъ благосостояніи Л. Съ 1347 г., когда папская булла положила конецъ ленной зависимости ордена отъ епископовъ, орденъ не только *de facto*, но и *de jure* сталъ руководящей силой всей страны. Это вызывало оппозицію со стороны епископовъ, городовъ и дворянства. Въ XV ст. на ливонскомъ орденѣ сказалась катастрофа прусскаго ордена, послѣдовавшая за танненбергскимъ пораженіемъ въ 1410 г. Ливонскій орденъ, помогавшій прусскому, долженъ былъ теперь постоянно опасаться вторженія поляковъ съ юга. Съ востока нерѣдко нападали русскіе. Временный союзъ архіепископа съ орденомъ противъ Риги, въ XV ст., послужилъ новымъ источникомъ слабости для ордена. Торнскій миръ 1466 г. былъ новымъ ударомъ для прусскаго ордена: гофмейстеръ сталъ вассаломъ Польши; подъ власть Польши подпали прусскія епископства, до тѣхъ поръ подвластныя рижскому архіепископу. Зависимость Л. отъ прусскаго ордена становится номинальной; онъ не представлялъ болѣе для нея никакой опоры, и ей приходилось искать помощи у иностранныхъ государей. 43-му магистру ордена, Вальтеру фонъ-Плеттенбергу (1494—1535), удалось нѣсколько оживить орденъ. Онъ проектировалъ наступательную лигу противъ Москвы со Швеціей и Литвой; но, когда слухъ о союзѣ его съ Александромъ литовскимъ и Стенъ Стуре шведскимъ дошелъ до Москвы, послѣдняя заключила, въ свою очередь, договоръ съ Даніей. Война съ Москвой (1501—1505) не принесла ордену никакой существенной пользы. Духовенство Плеттенбергъ поставилъ въ полную отъ себя зависимость. Ученіе Лютера проникло въ Л. изъ Пруссіи. Первыми проповѣдниками лютеранства были здѣсь Вугенгагенъ, Андреасъ Кнепкенъ, Іаковъ Тегетмейеръ. Церкви и монастыри стали подвергаться ограбленію. Новое ученіе утвердилось сначала въ Ригѣ, затѣмъ въ Ревелѣ и на Эзелѣ. Реформаторомъ Дерпта былъ Мельхіоръ Гоффманъ. Въ Курляндіи проповѣдь протестантизма распространялась менѣе успѣшно. Религіозные вопросы усилили политической антагонизмъ между городами и рыцарствомъ. Въ Пруссіи реформація привела къ секуляризациі орденскихъ земель; Плеттенбергъ былъ противникомъ такой секуляризациі въ Л. Въ послѣднее столѣтіе существованія ордена всѣ его владѣнія были раздѣлены на нѣсколько областей; среди каждой изъ нихъ возвышался бургъ; въ каждомъ бургѣ засѣдалъ конвентъ изъ 12—20 рыцарей; во главѣ конвента стоялъ командоръ или фохтъ. Конвенты сосредоточивали въ своихъ рукахъ финансовое и хозяйственное управленіе, судебную власть, полицію, военную организацію. Въ большихъ областяхъ, гдѣ было нѣсколько бурговъ, они зависѣли отъ обербурга. Предводительство на войнѣ находилось въ рукахъ маршала ордена. Его резиденціей служили Венденъ и Сегевольдъ. Орденскій конвентъ, въ составъ котораго входили маршалъ,

командоры и фохты, избиралъ магистра, а утверждалъ его гофмейстеръ. Всѣ члены ордена имѣли своихъ вассаловъ—ливонское рыцарство, обязанное нести военную службу. Для обсужденія вопросовъ внѣшней и внутренней политики созывались ландтаги. При совѣщаніи и подачѣ голосовъ архіепископъ рижскій, съ епископами эзельскимъ, дерптскимъ, ревельскимъ и курляндскимъ, составляли одно сословіе (Stand) и сообща подавали свое мнѣніе. Второй Stand составляли магистръ, его помощники и рыцари, третій—дворянство всей Л. и княжескіе совѣтники, четвертый—города. Послѣ Плеттенберга магистры ордена старались цѣлымъ рядомъ уступокъ Москвѣ предупредить открытый разрывъ съ нею. Для организаціи твердаго правительства они были слишкомъ слабы; не рѣшались они и на секуляризацию орденскихъ земель. Когда коадьюторомъ архіепископа рижскаго сдѣлался Вильгельмъ, маркиграфъ бренденбургскій, племянникъ Сигизмунда II Августа, и этимъ усилилось вліяніе Польши, на ландтагъ въ Вольмарѣ (1546) постановлено было не избирать, на будущее время, иностранцевъ безъ согласія представителей всѣхъ сословій. Вильгельмъ, сдѣлавшійся архіепископомъ, явился противникомъ участія Риги въ шмалькальденскомъ союзѣ; между нимъ и городомъ начались продолжительныя междоусобія. Этимъ облегчалось вмѣшательство сосѣдей: московскій царь предъявилъ требованіе, чтобы орденъ не заключалъ договоровъ съ Польшей, не спросивъ Москвы, чтобы онъ сохранялъ нейтралитетъ въ случаѣ польско-русской войны, чтобы русскимъ разрѣшена была свободная торговля съ нѣмцами, и возстановлены были православныя храмы. Ливонцы согласились на эти требованія (1554). Съ этихъ поръ орденъ былъ совершенно изолированъ; ни Польша, ни Швеція, ни Данія не приносили къ нему на помощь безъ прямыхъ территориальныхъ гарантій. Въ такой критическій моментъ Вильгельмъ, вопреки вольтмарскому рецессу, призвалъ къ себѣ въ коадьюторы иностранца—Христофора Мекленбургскаго. Магистръ ордена, Галенъ, не одобрялъ усиливавшагося вліянія Польши и въ свои коадьюторы назначилъ ея противника, Вильгельма Фюрстенберга. Занявъ мѣсто магистра, Фюрстенбергъ не призналъ возможнымъ продолжать борьбу съ Польшей и заключилъ съ нею оборонительный и наступательный союзъ противъ Москвы. Вслѣдъ за тѣмъ русскія войска вступили въ Л.; началась ливонская война (1558—82). Въ началѣ войны магистромъ сдѣлался Кеттлеръ. Сѣверныя области ордена вошли въ переговоры со Швеціей, приведше къ протекторату Швеціи надъ Эстляндіей. Эзель достался Даніи, Лифляндія уступлена была Польшѣ. За Кеттлеромъ осталась одна Курляндія. Орденъ распался въ 1561 г. Польша ввела въ страну іезуитовъ и стала поирать всѣ исконныя права и привилегіи Л., въ особенности послѣ окончанія войны съ Россіей. Вслѣдствіе притязаній Сигизмунда III на шведскій престолъ между Польшей и Швеціей началась война; неуспѣшная для Швеціи при Карлѣ IX, она принесла ей рядъ побѣдъ при Густавъ-Адольфѣ. Въ 1621 г. шведамъ сдалась Рига. Къ концу 1625 г. вся Лифляндія признала власть шведскаго короля. Юридически владѣніе ею признано было за Швеціей по альтмаркскому перемирію, въ 1629 г. Время шведскаго владычества распадается на два періода: первый, до 1680 г., ознаменованъ реорганизаціей всей области, подъемомъ благосостоянія и культуры; во время второго (1680—1710) Л. снова сдѣлалась театромъ войны съ поляками и русскими. Шведское правительство и въ Л. перенесло си-

стему редукцій. Величайшія заслуги въ исторіи Л. остаются за Густавомъ-Адольфомъ. Онъ возстановилъ протестантизмъ, основалъ новыя школы въ Ревелѣ, Ригѣ и Дерптѣ, въ томъ числѣ дерптскій университетъ, ввелъ лучшіе судебные порядки, поднялъ торговлю, облегчилъ участь крестьянъ. Послѣдующіе короли также не мало заботились о благосостояніи своей новой провинціи. Польша отказалась отъ всѣхъ своихъ притязаній на Л. по оливковому миру 1660 г. Въ Великой Сѣверной войнѣ Л. была потеряна для Швеціи; въ 1710 г. она вся уже была въ рукахъ русскихъ. По Ништадтскому миру Лифляндія и Эстляндія перешли къ Россіи. Для исторіи Л. и ливонскаго ордена см. общіе труды братьевъ Seraphim, Schiemann'a и др., указанные въ статьѣ Курляндія.—Ср. Г. Форстенъ, «Балтійскій вопросъ» (часть I). Подробную «Livl. Geschichtsbibliografie» велъ до 1901 г. Poelchau, затѣмъ Feurereisen (1902—1907), Osten Sacken (1908), Wulffius (1909), Arbusow (1910), Wulffius (1910—1912).

Ливонскій орденъ—см. Ливонія.

Ливорно (Livorno)—гор. въ итал. пров. Л. 107 253 жит. Камень, называемый «панкина», которымъ пользуются въ Л. для постройки зданій, состоитъ изъ морскихъ раковинъ. Для постройки города надо было скрѣпить болотистую землю; чтобы дать доступъ кораблямъ, пришлось вырыть бассейны и каналы; была проведена цѣлая сѣть лагунъ съ островками, которымъ дано названіе «Венеція». Мраморная статуя вел. герц. Фердинанда I, театръ, арсеналъ (1474 рабочихъ), корабельная верфь, громадная цистерна для питьевой воды. Обработка коралловъ и минераловъ (7364 чел.), выжиманіе оливковаго масла (6319 чел.). Рабочая палата. Техническій институтъ для торговаго мореходства, музей, библіотека. Въ 1912 г. въ портъ Л. прибыло и вышло парусныхъ и паровыхъ судовъ 9035 въ 1640541 тон.; по жел. дор. прибыло 397 661 тон., въ томъ числѣ 306 859 тон. угля, затѣмъ — хлѣбъ, хлопокъ, нефть, фосфориты и др. удобренія, соль, табакъ. Городъ началъ развиваться послѣ упадка Пизы въ XV ст. Александръ Медичи укрѣпилъ его, Козимо сдѣлалъ порто-франко.

Ливрея—одежда домашней прислуги. Обычай одѣвать своихъ слугъ въ платье одного и того же цвѣта восходитъ къ цвѣтамъ (couleurs) на одеждѣ рыцарей, сражавшихся на турнирахъ; тѣ же цвѣта носила свита рыцаря, а затѣмъ стали носить и его слуги. Въ средніе вѣка въ Л. преобладали яркіе цвѣта. Съ XVI и XVII вв. стали отличать низшихъ слугъ отъ благородныхъ, Л.—отъ мундира. Терминъ Л. ведетъ свое начало отъ раздачи (livrée) слугамъ съѣстныхъ припасовъ и платья, производившейся въ извѣстные сроки. Въ Россіи Л. появились при Петрѣ I, который въ табели о рангахъ установилъ для слугъ каждого чина различіе въ Л., находя, что «многіе разоряются, когда они въ уборѣ выше чина и имѣнія поступаютъ». Запрещеніе излишней роскоши въ Л. неоднократно встрѣчается въ указахъ XVIII в. Въ Сводѣ Законовъ изд. 1857 г. была помѣщена особая табель ливреямъ (въ приложеніи къ ст. 976 Устава о службѣ). Постановленіе о Л. понинѣ сохранилось въ прим. къ ст. 531 того же Устава. Употребленіе Л. не слѣдующихъ по чину, наказуется наравнѣ съ именованіемъ не принадлежащимъ чиномъ или званіемъ (ст. 1416 Улож. о наказ.). Въ Учрежденіи о Императорской Фамиліи (Осн. зак.) имѣются подробныя правила о Л. для слугъ членовъ Императорской Фамиліи.

Ливри (Livru), Эмма—французская балерина (1842—63), единственная выдающаяся ученица Тальони, представительница того теченія почти без-

плотной романтики въ балетѣ, которое было создано ея учительницей въ «Сильфидѣ» и «Дочери Дуная». Во время репетиціи въ Оперѣ случайно загорѣлась ея газовая туника, и она умерла отъ ожоговъ.

Ливчакъ, Осипъ—галицко-русскій писатель, видный дѣятель старо-русской партіи. Въ выходившемъ подъ его редакціею юмористическомъ журналѣ «Страхопудъ» (въ 1860-хъ гг.) Л. велъ ожесточенную борьбу съ русско-польскими направленіемъ, особенно нападая въ защиту «единства русскаго языка» на послѣдователей Вагилевича.

Ливъ (Liw)—пед. Венгровскаго у., Сѣдлецкой губ., при р. Ливцѣ. Одно изъ древнѣйшихъ поселеній въ Подлѣсѣ, нѣкогда многолюдное и богатое: въ 1564 г. однихъ только пивоваровъ насчитывалось здѣсь 104. Развалины древняго замка. 1589 жит.

Ливы (нѣм. Liewen; латышск. либѣши, отъ либѣтисъ, ливъ, старорусск. либѣ, лат. Livones, Livii, Livenses)—небольшая отрасль финскаго племени, живущая на сѣверномъ побережьи Курляндіи и въ Ней-Салисѣ въ Лифляндіи. Занимаютъ узкій и песчаный берегъ на протяженіи 68 вер., по обѣ стороны мыса Домеснеса, на западномъ концѣ рѣзко обособляясь отъ латышей, на В и ЮВ живя съ ними въ перемежку. Курляндскіе Л. называютъ себя береговыми жителями (randalist), въ отличіе отъ латышей внутри края, которыхъ называютъ рыбаками (kalamied). Языкъ Л. близокъ по звукамъ и формамъ къ эсскому, но, по Видеману, въ другихъ отношеніяхъ подходитъ скорѣе къ финно-лапландскому и корельскому. По мнѣнію Ферд. Вальдгауера («Zur Anthropologie der Liven», Дерптъ, 1879), Л. по антропологическому типу близко подходятъ къ корелямъ. Съ малыхъ лѣтъ привыкшіе къ морю, Л.—сильные и энергичные мореходцы, отличающіеся большею предприимчивостью и солидарностью, чѣмъ латыши. Такъ какъ Л. живутъ на прибрежной полосѣ, большею частью покрытойzybучимъ пескомъ, то земледѣліе у нихъ невыгодно и гораздо труднѣе, чѣмъ внутри края. Поля между песчаными холмами, очень невелики; они удобряются морскою травой, засѣваются яровымъ хлѣбомъ и защищаются изгородями. Рыба составляетъ главный предметъ продовольствія и важный предметъ торговли; особенно извѣстна дондангенская копченая и вяленая ка мбала. Все, что нужно сверхъ добытаго собственнымъ трудомъ, Л. получаютъ съ о-ва Эзеля. Пчеловодство, нѣкогда сильно развитое, незначительно. Жилища Л., въ отличіе отъ однодворчества латышей, составляютъ частью довольно большія, частью малыя деревни; дома мало отличаются отъ латышскихъ; оригинальны береговые шалаши для хранения сѣтей. Одежда мужчинъ—короткій кафтанъ или матросская куртка съ блестящими пуговицами. Женщины на головѣ носятъ бѣлый платокъ или бѣлый чепчикъ, въ зап. мѣстностяхъ—съ широкою, красною лентою. Календарно-бытовые праздники празднуются какъ у латышей. Въ свадебныхъ, родинныхъ, похоронныхъ обрядахъ также замѣтны черты, одинаковыя съ латышскими.—Ср.: В. Волинъ, «Liiven kansa» (Л. народъ, его прошедшее и современность, 1891); его же, статья въ «Suomi» (III сер., т. VII, 1893) о постройкахъ. О Л., ихъ фольклоръ и языкъ Сетеле докладывавалъ венгерской академіи наукъ («A Liv nép és nyeloe», въ журналѣ «Szemle-Budapest», 1889). Кромѣ образовъ языка, имъ собрано до 100 сказокъ, 250 пословицъ и загадокъ, описанія обрядовъ и до 30 пѣсень. О древней исторіи Л. говоритъ А. Снелъманъ, въ своей исторіи восточно-морскихъ финновъ въ періодъ самостоятельности, и Bielenstein, «Grenzen d. Letten» (1892).—